

7
989

*Писатели-патриоты
великой родины*

РУССКИЕ ПОЭТЫ

XVIII

ВЕКА

О Г И З

Гослитиздат 1943

РУССКИЕ ПОЭТЫ
XVIII ВЕКА

P1
P89

8

65504

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Л. ТИМОФЕЕВА

Назв. Государственной библиотеки
имени М. Ю. Лермонтова

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ЕГОЛИНА, Е. Н. МИХАЙЛОВОЙ,
И. Н. РОЗАНОВА,

СТАРОЕ, НО ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

(Русские поэты XVIII века о родине)

XVIII век — чрезвычайно своеобразный период в истории России. Это переломный период, полный кричащих противоречий, причудливых переплетений старого с новым. В те самые дни, когда Петр Первый уже обдумывал проект о создании Академии наук, в московской Славяно-греко-латинской академии в Заиконоспасском монастыре, например, еще изучали вопросы о том, растет ли в раю роза без шипов и почему во время потопа не погибли рыбы, хотя они не были сохранены в ковчеге Ноя. Наряду с учебниками математики, навигации, астрономии еще читалась книга Симеона Полоцкого «Венец веры кафолическия», в которой точно определялось «пространство неба» (85 710 миль, по пять верст в миле) и разъяснялось, что при воскресении мертвых вместе с ними воскреснут все волосы и ногти, остриженные ими в течение жизни.

Литературная жизнь имела в начале века еще только зачаточные формы. Журналов не было. Они появились лишь в конце второй половины столетия. В 1703 году возникла первая русская газета — «Русские ведомости», выходившая далеко не каждый день. Книги издавались единицами. До 1758 года не было года, в котором вышло бы более двух десятков названий книг за год. Литературный язык еще только складывался.

Но вся эта причудливая смесь старого и нового, великого и малого, смешного и трагического складывалась постепенно в единое и величественное целое:

*Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

(Пушкин. «Полтава»)

В тяжелой, требовавшей величайшего напряжения сил, борьбе с внутренней косностью и с опаснейшими внешними врагами создавалось русское государство, крепла российская держава.

Именно в петровское время созрела самая идея государственности в русском национальном самосознании, вошли в употребление такие понятия, как «всенародная польза», «общее добро».

Служение государству, идея общественной пользы становились понятиями, определяющими отношение русского человека к обществу. Сам Петр говорил о своей деятельности прежде всего как о службе. «Я, как начал служить,—писал он после победы над шведами при Добром,—такого огня и порядочного действия наших солдат не слышал и не видал». В письме к Алексею он говорил: «За мое отечество и людей моих я живота своего не жалел».

В жизнь России со все большей силой входило начало высокого национального долга, подвига во имя общего дела. Во время войны со шведами 50 русских солдат под командой сержанта Преображенского полка Михаила Щепотева и капитана Бахтиярова вышли на разведку в море на пяти гребных лодках. Они увидели два шведских корабля, каждый из которых был вооружен четырьмя пушками; на каждом из них было по сто с лишним солдат. Неравенство сил было разительным. Однако русские бросились в атаку на шведские корабли. Бой кончился тем, что русские захватили один из этих кораблей, огнем из его пушек обратили в бегство другой и привели в Выборг захваченный корабль. На нем находилось семь русских солдат, управлявших кораблем (остальные были убиты или ранены), и двадцать семь сдавшихся в плен шведов (см. «Письма и бумаги Петра Великого», т. IV, в. I, стр. 399—406). Этот ярчайший пример русской военной доблести свидетельствует о том исключительном воодушевлении, с которым русская армия под водительством Петра отстаивала независимость своей родины. Борьба

эта требовала огромного напряжения. Очень точно охарактеризовал это время сам Петр в письме к Стрешневу: «Как ваша милость письмо сие получишь, изволь не помядая еще солдат сверх кои отпущены тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает; того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня».

Так было в начале века. Но и последующие годы были отмечены и бурным строительством новой культуры страны и напряженной борьбой с врагами, грозившими молодому, не окрепшему еще русскому государству. И если начало века было отмечено войной со Швецией, потрясшей еще не окрепшее здание русской государственности, воздвигнутое Петром, то конец его непосредственно соприкасается с теми испытаниями, перед которыми поставило Россию вторжение Наполеона¹.

В этой обстановке, требовавшей величайшего напряжения народных сил, развивалось творчество писателей того времени. Оно не могло не вобрать в себя пафос героики этого периода, не могло не отразить тех замечательных черт русского национального характера, которые выковывались в борьбе за родину.

Современному читателю понятно, конечно, какая пропасть отделяет его от писателей XVIII века в области социально-политических воззрений; достаточно сказать, что XVIII век — это век наибольшего развития крепостного права и что никто из писателей, включенных в этот сборник, не выражал своего отрицательного к нему отношения. Поэтому картины жизни России у них, естественно, имеют значительно более оптимистический характер, сравнительно с реальным положением вещей.

Увлеченные размахом развития культуры в России, писатели XVIII века искренно не видели многих противоречий своего времени, говорили главным образом о том, что им казалось положительным, и, так как в окружавшей их исторической обстановке действительно было много героического и величественного, их творчество вбирало в себя пафос и героизм своего времени.

Вот почему при всей отдаленности от нас их идеологии, при всей чуждости для нас их монархической настроенности, при всей архаичности

¹ Поэтому мы вводим в этот сборник стихи Державина и Карамзина, говорящие о наполеоновском нашествии, хотя формально они находятся уже за границей века.

их языка и синтаксиса, нередко затрудняющих современному читателю их понимание, мы все же ощущаем и своеобразную современность многого из того, что говорят нам устаревшие, на первый взгляд, их произведения.

Мы можем с полным основанием применить к ним известные слова Маяковского:

*В курганах кини,
похоронивших стих,
Железки строк случайно обнаруживая,
Вы
с уважением
ощупывайте их,
Как старое,
но грозное оружие.*

Их стихи родились в годы напряженной борьбы русского народа. Вот почему в наши дни, в дни второй отечественной войны, войны с опаснейшим врагом, вторгшимся в пределы нашей родины, мы находим в этих стихах близкие нам темы и настроения. В них проступают — при всем историческом различии — знакомые нам героические черты русского человека, и они по-повому тревожат и волнуют нас. В них течет та же «громкая победами кровь славян», которая кипит в груди наших бойцов, истребляющих врага на полях отечественной войны.

Архаические по форме, эти стихи во многом современны для нас по содержанию. В них мы находим выражение веками выработавшихся в борьбе с врагами России черт русского народа, его героизм, стойкость, мужество, его чувство высокой национальной гордости.

Мы вашей крови не жаждали,—

обращался в свое время Карамзин к французам, вторгшимся в пределы русской земли,—

*Но, кто оковы нам несет,
Умрем, или он сам падет!*

И эти слова звучат для нас, свидетелей потрясающей стойкости советского воина, как слова близкие и понятные.

*О русска грудь неколебима!
Твердейшая горы стена,
Скорей ты ляжешь трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена.
Не раз в онях, в громах, средь бою
В крови тонувши ты своей,
Примеры подала собою,
Что Россов в свете нет храбрей...—*

визвал Державин, и кто из его читателей сейчас не вспомнит о 28 героических гвардейцах, которые все полегли на поле боя, но не пропустили вражеские танки.

Повты XVIII века сумели выразить уверенность русского народа в своих силах, его гордость славным историческим прошлым:

*Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвернуть наш предел...
(Ломоносов)*

*...Бывало, ведь и в прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многобразные уроды
Грозили ей налогом уз...
Был враг Чипчак (монгол)— и где Чипчаки?
Был недруг Лях—и где те Ляхи?
Был сей, был тот: их нет; а Русь?...
Всяк знай, мотай себе на ус...
...Так в тяжки оны дни Россия
Войной была окружена,
Как с всей Европою Азия
Была на нас ополчена.
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
Шел льстивый друг, шел тайный враг...*

(Державин)

И все же Россия выходила победительницей из всех испытаний, и Карамзин справедливо спрашивал, обращаясь к когда-то грозным разбитым врагам:

Где ваши Лейоны Страха?

и отвечал:

Лежат безмолвно в недрах праха...

И тот же Карамзин прекрасно понял, в чем секрет победы. «Победами славна лишь справедливая война», — писал он и добавлял:

*Толпы героев и вождей
Война народная рождает.*

Поэты XVIII века, писавшие в эпоху, требовавшую от русского народа напряжения всех его сил, сумели полновесно охарактеризовать основные черты русского человека:

*О Росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изяцностью своих доброт.
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр...*

(Державин)

Перелистывая страницы этих книг, на которых осела уже пыль веков, читатель находит в них и отклики на славные победы русских войск и образы их великих полководцев. Замечателен образ Суворова, которого Екатерина называла «стрелой, которая всегда попадает в цель», выразительно и лаконически нарисованный Державинным:

*Твой ли, Суворов, се образ побед?
Трупы врагов и лавры — твой след!
Кем ты, когда бывал побеждаем?
Все ты всегда, везде превозмог!*

Очень много говорят нам сейчас стихи, в которых нашла себе отражение борьба с наполеоновскими полчищами. Мы найдем в них и описание тех страданий, которые принес народу завоеватель, вторгшийся в Россию:

*Поля усеяны костями,
Все пламенем истреблено.*

(Карамзин)

и изображение врага, который «уже своей победой дмился» и вслед за тем позорно бежал, после того как он

*...Как тиар, на трупы гладный,
Предспеющий своей молве,
Шанул к Днепру, шанул к Москве.
Кровавы вслед моря струились,
И зарева по небу рдились...*

Исторический опыт России, запечатленный на этих страницах, неожиданно приближается к нам иногда настолько близко, что стихи о нем начинают звучать как своеобразное пророчество. Именно так воспринимаются сейчас стихи Ломоносова, написанные в годы, когда русские войска громили считавшиеся непобедимыми полки Фридриха:

*Европа, ныне восхищенна,
Внимая, смотрит на Восток
И ожидает, изумленна,
Какой определит ей рок...
Германия сему подобно
По собственной крови плывет
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед.*

И снова приходят нам на память гордые слова Ломоносова, написанные им «На победы над королем прусским»:

*И сердце гордого Берлина,
Неистовою исполина,
Перуны, близь зремя, трясут.*

«Старое, но грозное оружие...» Славное героическое прошлое России возрождают в сознании читателя эти стихи, написанные больше чем сто лет тому назад, но заставляющие нас подумать о днях нашей современности. Горячее чувство любви к родине и к русскому народу, высокая патриотическая гордость его славными делами, которыми согреты эти стихи русских поэтов XVIII века,— вот то, что делает их живыми и для современного читателя и оправдывает издание этих, искренних и патриотических стихов.

Л. ТИМОФЕЕВ

М. В. ЛОМОНОСОВ

ИЗ ОДЫ... «НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА» 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишины глубокой.
Внимая некто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится...

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит;
В пучине след его горит;
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;

Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? Стремглав без душ валяются.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку,
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом.
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом...

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыни,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже трянувшись легкий лист
Страшит его как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боиится собственного следа.
Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лицо, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила...

...В полях кровавых Марс¹ страшился,
 Свой меч в Петровых зря руках,
 И с трепетом Нептун² чудился,
 Взирая на Российский флаг.
 В стенах внезапно укрепленна
 И зданиями окруженна:
 Сомненная Нева рекла:
 Или я ныне позабылась
 И с одного пути склонилась,
 Которым прежде я текла?

Тогда божественны науки,
 Через горы, реки и моря,
 В Россию простирали руки,
 К сему монарху говоря:
 Мы с крайним тщанием готовы
 Подать в российском роде новы
 Чистейшего ума плоды.
 Монарх к себе их призывает;
 Уже Россия ожидает
 Полезны видеть их труды...

О, вы, которых ожидает
 Отечество от недр своих,
 И видеть таковых желает,
 Каких зовет от стран чужих!
 О ваши дни благословенны!
 Дерзайте ныне ободренны
 Раченьем вашим показать,
 Что может собственных Платонов³
 И быстрых разумом Невтонов⁴
 Российская земля рождать!..

¹ Бог войны у римлян.

² Бог моря у римлян.

³ Знаменитый греческий философ (ок. 428—ок. 348 г. до н. э.).

⁴ Знаменитый английский ученый Ньютон (1642—1727).

...Однако дух еще стремится,
 Еще кипит сердечный жар,
 И ревность умолчать стыдится:
 О Муза, усугубь твой дар,
 Гласи со мной в концы земные,
 Коль ныне радостна Россия.
 Она, коснувшись облаков,
 Конца не зрит своей державы,
 Гремящей насыщена славы
 Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
 Где Волга, Днепр, Нева и Дон
 Своими чистыми струями
 Шумя стадам наводят сон,
 Седит и ноги простирает
 На степь, где Хинов¹ отделяет
 Пространная стена от нас;
 Веселый взор свой обращает
 И вкруг довольства исчисляет,
 Возлегли локтем на Кавказ.

Се нашею, рекла, рукою
 Лежит поверженный Азов;
 Рушитель нашего покою
 Огнем казнен среди валов.
 Се знойные Иркински бреги,
 Где варварски презрев набег,
 Сквозь степь и блата Петр прошел,
 В средину Азии достигнул,
 Свои знамена там воздвигнул,
 Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
 Там Лена, Обь и Енисей,

¹ Китайцев.

Где мягогие народы тшчатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютоги Борея¹,
Чудовищам дерзуют вслед,
Где верх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает
Поднявшись с дна морского лед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где Лев гордящийся упал
С торжественных колесниц,
При коей в узах он держал
Сарматов и Саксонов пленных,
И двигал в мыслях вознесенных
Одной вселенную рукой.
Но пал; и токмо звук достигнул
Фракийских гор, и их подвигнул,
Дунай с твоею быстринной.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Златой порфиною блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равным жаром воспаленны
Сердца, как храмы освещенны
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! О жизнь драгая!
Петрополь², небу подражая,
Подобны облистал лучи.

Сие Россия восхищенна
В веселии своем гласит...

¹ Бог северного ветра у греков.

² Петербург.

ИЗ ОДЫ... 1752 ГОДА

...Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на Восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок...

.....

ИЗ ОДЫ... 1754 ГОДА

...Уже великими крилами
Парящая над облаками
В пределы слава стран звучит.
Труды народы оставляют,
И гласу новому внимают,
Что промысл им чрез то велит.

Пучина преклонила волны,
И на берегах умолкнул шум;
Безмолвия все земли полны;
Внимает славе смертных ум.
Но грады Росские в надежде,
Котора их питала прежде,
Подвиглись слухом паче тех,
Верхами к высоте несутся
И тшятся облакам коснуться.

Москва, стоя в середине всех,
Главу великими стенами
Венчанну взводит к высоте,
Как кедр меж низкими древами,
Пречудна в древней красоте.

ИЗ ОДЫ... 1757 ГОДА

...Ликуй, страна благословенна,
 Всевышнего обетам верь;
 Пребудешь оным покровенна,
 Его щедротой счастье мерь;
 Взирай на нивы изобильны,
 Взирай в полки велики, сильны
 И на размноженный народ:
 Подобно как в Ливане кедры,
 К трудам их крепки мышцы, бедра
 Среди жаров, морозов, вод.

Свирепой Марс в минувши годы
 В России по снегам ступал,
 Мечом и пламенем народы
 В середине самой устрашал:
 Но ныне и во время зноя
 Не может нарушить покоя;
 Как сверженный гигант ревет:
 Попран Российской ногою,
 Стеснен как страшною горою,
 Напрасно тяжки узы рвет.

ИЗ ОДЫ... 1759 ГОДА

(На победы над королем прусским)

... Парящей слыша шум орлицы,
 Где пышный дух твой, Фридерик?
 Прогнанный за свои границы,
 Еще ли мнишь, что ты велик?
 Еще ль смотря на рок Саксонов,
 Всеобщим дателем законов
 Слывешь в желании своем.
 Лишенный собственныя власти,

65504

Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

Взирая на пожар Кистрина¹,
На протчи грады оглячись:
Что им не равная судьбина;
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельного стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою:
Победоносной над тобою
Монархине благодари...

От стран, родящих град и снега,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы.
С дубами камни похищает,
И горы двигнув раздирает.
Налегши на морской хребет,
Воднам встречается волнами,
Песок валит со дна с китами;

Там в пене стонет новый свет.
Так Россов мужество в походы
Течет противников терзать;
И роет чрез поля и воды,
Услышав щедрю в гнев Мать.
Где ныне королевско слово,
Что страшно воинство готово
На запад путь наш прекратить?
Уже окровавлена Прегла
Крутятся в твоей земли пробегла
Российску силу возвестить....

¹ Немецкий город Кюстрин.

За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близь гремя, трясут,

Еще не допустя до року
С отвагой сопрягшись талан
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипели в вас.
Нам правда отдает победу;
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас....

Ни польские леса глубоки,
Ни горы Шлонские высоки,
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Через трупы к Франкфуртским стенам!

С трофей на трофей ступая,
Геройство Росское спешит.
О муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном¹ руки устремленным,
С Зарницей очи равно зрю.
Противник, следуя Борею,
Сказал: «Я буйностью своею,
Удар ударом предварю».

¹ Главное божество славян, бог грома и молнии; выше «перуны» в смысле — «грома орудий».

Подобно граду он густому
Летяще воинство стеснил,
Искал со стороны пролomu
И рвался в сердце наших сил.
Но вихря крутость престока,
В стремленьи вечного Востока
Коль долго простирает ход?
Обрушась тягостным уроном,
Внезапно с шумом, ревом, стоном,
Преобратился в сонмы вод.

Бегущих горды Пруссос плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валятся как листы,
Теперь с готовыми трубами
Перед Берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук!
Что ваш король, полки, снаряды,
Не могут вам подать отрады
Рассыпаны от наших рук.

О честь Российского народа!
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно сопостатов стер.
Тебе тот лавры уступает,
Кто прочим храбро исторгает;
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напругая,
Не мог против тебя стоять.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Отрывки из поэмы)

Пою премудрого Российского героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.
К тебе я вопию, премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна,
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной вслух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас неслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя.
Да на его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны владыки,
Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях герой.
Дабы Российский род во веки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика дочь его щедротой оживит...
...Уже белея понт¹ перед Петром кипит,
И влага уступить, шума, ему спешит...
...Тогда плывущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаваньи сии слова вещал:
«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду!
Хотя там кажется поставлен плыть предел;

¹ Море.

Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама,
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан¹
Коль много обрели безвестных прежде стран;
Подвигнуты хвалою, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор...
Колумбы Русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь откроют на Восток,
И наша досягнет в Америку держава;
Но ныне настит в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял...

ИЗ ОДЫ... 1761 ГОДА

Посмотрим в Западные страны
От стрел российской Дианы²,
Из превеликой вышины
Стремглавно падают Титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпроя, хитрая река,
Спросите своего героя:
Что может Русская рука...

¹ Гама (ок. 1460—1524.), Колумб (ок. 1451—1506.) и Магеллан (ок. 1480—1521) — знаменитые мореплаватели.

² Богиня охоты у греков; здесь — русская царица, стрелы которой поражают врагов — немцев.

... Хребты полей прекрасных, тучных,
 Где Волга, Дон и Днепр текут,
 Дел послухи Петровых звучных,
 С весельем поминая труд,
 Тебе обильны движут воды,
 Тебе, монарх, плодят народы,
 Несут довольство всех потреб,
 Что воздух и вода рождает,
 Что мягкая земля питает,
 И жизни главну крепость — хлеб.

Там мерзлыми шумит крылами
 Отец густых снегов Борей,
 И отворяет ход меж льдами
 Дать воле путь в Восток твоей...
 Тебе от верной глубины
 Руками плещут воды белы;
 Ликуют западны пределы,
 Предвидя счастье войны.

Европа ныне восхищенна,
 Внимая, смотрит на Восток,
 И ожидает, изумленна,
 Какой определит ей рок...
 ... Когда по глубине неверной
 К неведомым брегам пловец
 Спешит по дальности безмерной;
 И не является конец;
 Прилежно смотрит птиц полеты,
 В воде и в воздухе приметы.
 И как уж томную главу
 На брег желанный полагает,
 В слезах от радости лобзает
 Песок и мягкую траву...

Германия сему подобно
По собственной крови плавает,
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед...

ИЗ ОДЫ... 1762 ГОДА

(Екатерине Второй)

...Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов;
Толь дом твой в недрах безопасен.
Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина...

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого алтаря....

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил,
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:

На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греть в подсолнечной концы.

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В ОТВЕТ АНАКРЕОНУ¹,
ПРОСЯЩЕМУ ЖИВОПИСЦА НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ
ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон;
Но счастливее ты собою
Через приятный лиры звон.
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первый,
Ты первый в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой²,
Изобрази Россию мне!
Изобрази ей возраст зрелый
И вид в довольствии веселый,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу,
Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть;
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить;

¹ Греческий поэт, прославлявший вино, любовь, личные радости человеческой жизни (580—495 до н. э.).

² Богиня мудрости у римлян.

Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой.

Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны;
И полны живости уста
В беседе важность обещали,
И так бы слух наш ободряли,
Как чистый голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям положить конец.
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно.
Великая, промолви, Мать,
И повели войнам престать.

ИЗ ПОСВЯЩЕНИЯ РИТОРИКИ (1748 г.)

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем он ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы Российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. Сим обнадежен, предпринял я в сочинение сего руководства; но больше в таком намерении, чтобы другие, увидев возможность, по сей малой стезе в украшении Российского слова дерзновенно простирались.

Повелитель многих языков язык Российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным Россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто не упрежденный великими о других мнениями прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл пятый Римский Император говаривал, что Ишпанским языком с богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятельми, Италианским с женским полом говорить прилично. Но, естли бы он Российскому языку был искусен, то конечно к тому присокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языка... Сильное красноречие Цицероново¹, великолепная Virгилиева² важность, Овидиево³ приятное витийство не теряют своего достоинства на Российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, на языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать должныствуем. Кто от часу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или лучше сказать едва пределы имеющее море.

¹ Римский оратор (106—43 до н. э.).

² Римский поэт (70—19 до н. э.).

³ Римский поэт (43 до н. э.—17 г. н. э.).

Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает. Простирайте надежду и руки ваши в мое недра и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно труды земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши, и леса и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сие не токмо довольствует мои пределы, но и во внешние страны избыток их проливается: того ради можете ли вы помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили. Имеете в краях моих, к теплой Индии и к ледовитому морю лежащих, довольные признаки подземного моего богатства. Для сообщения нужных вещей к сему делу, открываю вам летом далеко протекающие реки и гладкие снега зимою подстилаю. От сих трудов наших ожидаю приращения купечества и художеств; ожидаю вящего градов украшения и укрепления и умножения войска; ожидаю и желаю видеть пространные моря мои покрыты многочисленным и страшным неприятелю флотом, и славу и силу моя держава распростерть за великую пучину в неведомые народы. Спокойна буди о сем, благословенная страна, спокойно буди дражайшее отечество наше.....

ИЗ СЛОВА ПОХВАЛЬНОГО... ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Пространная Российская держава на подобие целого света едва не отовсюду великими морями окружается, и оные себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новые пристани едва вмещают судов множество; инде стонут волны под тягостью Российского флота и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и на подобие весны процветающие корабли, в тихой поверхности вод изображаясь, красоту

свою усугубляют; инде достигнув спокойного пристанища плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новые Колумбы к неведомым берегам поспевают, для приращения и славы Российской; инде другой Тифис¹ между сражающимися горами плыть дерзает; со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить Восток с Западом.

Откуда толикая сила и слава Российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуда материи? Откуда искусство? Откуда махины и орудия, нужные в толь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по берегам повергли к строению? Не Амфион² ли сладким лирным игранием подвинул разнovidные части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, если бы такое невероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось, и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в письменных без всякого изъятия достоверных известиях.. Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов между бесчисленным народом множеством, я меж стенанием валов Белого, Черного, Балтийского, Каспийского моря и самого океана духом обращаюсь, везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени; и не могу сам себя уверить, что везде Петр, но многие, и не краткая жизнь, но лет тысяча...

¹ Т и ф и с — в античной мифологии кормчий, который должен был провести корабль между Симплегадами — скалами, которые непрерывно сближались и расходились. Ему удалось спасти корабль от гибели.

² В античной мифологии — музыкант, игравший на лире так, что даже камни были тронуты его игрой.

А. П. СУМАРОКОВ

ИЗ ОДЫ... 1752 ГОДА

Пусть молнии по сфере блещут,
В дуброве слышен ветров лом,
Леса и горы вострепещут,
И поколеблет землю гром,
Не убоятся храбры Россы
И свергнут стены и колоссы,
Явля свой геройский труд:
Победу сильну кровью купят,
На василиска зла наступят,
Льва, тигра, аспида попрут.

Периклов и Алкивиядов¹
России суждено рождать:
Противу неприступных градов
Ступайте, Россы, побеждать.
Сыны Российския Алькмены²,

¹ Знаменитые греческие государственные деятели.

² В античной мифологии — возлюбленная Зевса, мать богатыря Геракла (Геркулеса).

Проломят самы тверды стены
И гордости низложат рог,
Неправду, злобу востревожат
И лютых Гидр они низложат...

ИЗ ДИФИРАМБА... 1763 ГОДА

Принимаюся за лиру,
Возглашу пространну миру
Я империю сию:
Возыграю оной славу
И Российскую державу
Велегласно воспою...

Из Амура Росс выходит,
Росские суда выводит
И к Нифону держит путь:
Бури моря не терзают,
Сильны ветры не дерзают
В паруса противу дуть.
Во края плывем азийски
По восточным мы валам,
Пристают суда Российски
К Филиппинским островам.

Росску скипетру услуга
Трех частей земного круга
К миру и против врагов.
За протоком океана
Росска зрю американа
С азиатских берегов.
Тщетно глубины утроба
Мещет бурю, скорбь и глад,
Я у Берингова гроба
Вижу флот, торги и град.

Е. И. КОСТРОВ

ИЗ ЭПИСТОЛЫ... СУВОРОВУ «НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА»

Суворов. Громом ты крылатым облечен,
И молний тысячью разящих ополчен,
Всегда являешься во блеске новой славы,
Всегда виновник нам торжеств, отрад, забавы.
Ты, реки огненны пуская на врагов,
Свистящих тучи ядр на твердость их холмов,
Соратным предтечешь, покрыт геройским потом,
И ставишь грудь свою отечества оплотом,
Ты в подвигах, трудах, средь бранных туч без сна;
А мы, чуть знаем мы, что есть у нас война, —
Такое чрез тебя спокойствие вкушаем.
Ты в лаврах, мы себе и мирт и пальм срываем.
И, если знаем мы, что Россы средь полей,
Что в юге страшна брань, свирепствует Арей¹,
Так весть о том дают твоих побед нам громы,
На крыльях радостных в отечество несомы...
Позволь, дражайший граф, миролюбивой музе,

¹ Бог войны у греков.

Живущей с нежностью и тишиной в союзе,
Сражений бурных звук от мыслей удалить
И взор души от рек кровавых отвратить,
Чтоб в точность описать, как пала злоба горда
Пред громоносцами венчанна славой Норда¹,
Как друг Очакова, ужасный исполин,
Могущий заменить сто крепостей един,
Грозящий облакам надменною главою,
Стремящ из челюстей каленый вихрь со мглою,
Упрямый Измаил, всю твердость погубя,
Пресилен, наконец, повержен от тебя;
Как войны твои или орлы пернатые,
Через рвы, на крутизну, на горды, тверды скаты
Против мечей, штыков, против циклопских стрел,
Которы злобный ад во гневе изобрел,
По гласу твоему летели, устремлялись,
Быстрее стрел неслись и лавром увенчались.
Повсюду огненный смертей рассыпав дождь,
Являя, кто они и кто их в поле вождь;
Как ревностный Дунай, победы нам радея,
Струями влажными, играя, пламенея,
Восторгов радостных и бранна звука полн,
Твой гром спешил принести в пучину черных волн,
Да Росских кораблей крыле ему сопещут,
И ребра твердые Стамбула вострепещут,
Чтоб все толь дивные, толь страшные дела,
Которым в поздний род бессмертие, хвала,
Представить, описать, воспеть согласно, стройно,
Одной Гомеровою² трубе греметь достойно;
Из молний должно быть перо сотворено...
Прочти мои стихи, победами рожденны,
Всеобщую к тебе любовью воскрыленны,
В них чувства мои, в них чувства граждан всех,
К тебе защитнику спокойства и утех.

¹ Севера.

² Знаменитый греческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи».

Умешь побеждать, люби побед награду,
Прочи с улыбкою миролюбива взгляду,
Я удостоюся тогда таких похвал,
Как будто бы и я турецку крепость взял.

В. П. ПЕТРОВ

ИЗ ОДЫ...

НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА СО ШВЕЦИЕЙ 1790 г.

...Дщерь мира, дщерь гремящей брани,
И мать бесчисленных племен,
Восстань, Россия, днесь восстани
И двигни силою рамен.
Руки величественной взмахом,
Могущей злость смесити с прахом,
Во грудь преступника ударь,
Чтоб сделавший себя кумиром,
К стопам твоим пред целым миром
Упал высокомерный царь...¹

Как кедры, кои средь долины,
Иль гор на высотах росли,
Крылаты моря исполины
Се месть на Гота понесли;
Ступают, и стопы их мерны,
Их око, их удары верны,
Вид грозна строя, не толпы.

¹ Шведский царь Густав.

Гремят и гром терять блюдутся,
То сойдутся, то разойдутся,
Как в небе огненные столпы.

...И малочислие их флота
Приводит в вящу ярость Гота,
На бой он рвется всякий час,
Но Росс отважен, бодр, обратлив,
Победоносен всякий раз...

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит,
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары,
Дрожит земля, сноп искр течет,
Клокочут реки рдяной лавы,
О Росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет...

На подвиг твой, вождя веленьем,
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедах твой весел зрак...
Где вокруг драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила.

Да сокрушит твоя их сила...»
И воскипела бранна кровь.

Как воды с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням. Россы так текут.
Ничто им путь не воспящает¹:
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним,
Идут — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы,
Под ними стон, за ними дым.

О! Что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство, что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на вас:
Зрю камни, ядра, вар и бревны.
Но чем герои уstraшены?
Чем может отражен быть Росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну,
Всяк Курций, Деций, Буарос...²

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огонь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами, —
Которых с самых юных дней
Питала слава, юность, вера.
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

¹ Преграждает.

² Знаменитые герои.

...Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака:
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид как вшел в Измаил Росс!..

...Услышь, услышь, о ты, вселенна,
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа удивленна,
Каков сей Россов подвиг был...

...О, кровь Славян! Сын предков славных,
Несокрушаемый колосс,
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете Росс!
Твои коль славны древни следы,
Громчай суть нынешни победы.
Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр¹ ты преклоняешь,
Вселенной на средѹ² ступаешь
И досягаешь до небес...

...А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет:
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи

¹ Крым.

² Середину.

Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь полетится,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

*(Застольная воинская песнь,
написанная в честь Румянцева и Суворова)*

По северу, по югу
С Москвы Орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.
О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты,
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем!
Орел бросает взоры
На Льва и на Луну¹,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.
О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов,
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем!
Орел глядит очами
На солнце в высоты;
Герои под шлемами —
На женски красоты.

¹ Гербы Швеции и Турции.

О! исполать, красотки,
Вам, русски Амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!

НА ПЕРЕХОД АЛЬПИЙСКИХ ГОР

...О радость! Муза, дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою:
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Через доли, холмы и леса;
Зрю — близ меня зияют ады,
Над мной шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.
Идет в веселии геройском
И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вокруг себя полки.
«Друзья!» он говорит: «Известно,
Что Россам мужество совместно;
Но нет теперь надежды вам.
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно —
«Умрем!» — клик вторит по горам..
...Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молнии зримом,
И по бегущим облакам;
День — ночь ему среди туманов,
Ночь — день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны;

Мосты ему — дубы зажжены;
Плывет по скачущим волнам.

Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отвсюду окружен врагами,
Водой, горами, небесами,
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропщут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл...
...Ведет туда, где ветер не дышит
И в высотах и в глубинах,
Где ухо льдов лишь гулы слышит,
Катящихся на крутизнах.
Ведет — и скрыт уж в мраке гроба,
Уж с хладным смехом шепчет злоба:
Погиб средь дерзких он путей!
Но Россу где и что преграда?
С тобою бог — и гор громада
Раздвиглась силою твоей.
...Из мраков восстают Стигийских ¹
Евгений, Цесарь, Ганнибал ²;
Проход чрез Альпы войск Российских
Их души славой обуял.
«Кто, кто», — вещают с удивленьем, —
«С такую смелостью, стремленьем
Прешел против природы сил
И вражьих тьмы попрал затворов?
Кто больше нас?» — Твой блеск, Суворов,
Главы их долу преклонил.
Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай;

¹ Из прошлого.

² Знаменитые полководцы: Евгений Савойский (1663—1736), Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), Ганнибал (247—183 до н. э.).

Ценя их истиной священной,
С Суворовым соображай.
Ты зришь: тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий;
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани¹;
Куда ни послан был на брани,
Пришел, увидел, победил...

СНИГИРЬ

(У Державина был сницирь, умевший петь одно колено военною марша. Услышав, после смерти Суворова, его песню, Державин, по его словам, и написал это стихотворение памяти Суворова)

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый сницирь?
С кем мы пойдем войной на гиену?
Кто теперь вождь наш? кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом;
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

¹ Руки.

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь:
Бранна музыка днесь не забавна:
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! Что воевать?

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ»

Платбв! Европе уж известно,
Что сил донских ты страшный вождь:
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падешь как снег ты с туч иль дождь;
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью, видя мету,
Подходишь к вражбим вдруг носам
И, зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаул¹,
И тайный ставишь караул.

В траве идешь — с травою равен;
В лесу — и равен лес с главою;
На конь вскочнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой.
По камню ль черну змсем черным
Ползешь ты в ночь — и следу нет;
По влаге ль белой гусем белым
Пльвешь ты в день — лишь струйка след;
Орлом ли в мгле паришь сгущенной —
Стрелу сечешь ей вслед пущенной
И, брося петли округ шей,
Французов удишь, как ершей...

¹ Разведка.

...Что ж стал? — Борза ль коня не стало?
 Возьми ковер свой самолет.
 Ружейного ль снаряду мало?
 Махни ширинкой, лес падет.
 Запаса ли не видишь хлебна?
 Гложи железны просфиры.
 Жупан ли, епанча ль потребна?
 Сам невидимкой все бери.
 Сапог нет? Ступни самоходны
 Надень, перчатки самородны,
 И дуй на огонь, на мраз, на глад:
 Российской силе нет преград.
 Бывало, ведь и в прежни годы
 Взлетала саранча на Русь,
 Многообразные уроды
 Грозилы ей налогом уз...
 Был враг Чипчак — и где Чипчаки? ¹
 Был недруг Лях — и где те Ляхи?
 Был сей, был тот: их нет; а Русь?...
 Всяк знай, мотай себе на ус... ²
 ...При Святославиче Добрыня
 Убил дракона в облаках;
 Чернец Донского — исполина
 Татарского поверг во прах;
 Голицын, Шереметев, Львовы ³
 Крушили зубы в дни Петровы;
 Побед Екатерины лавр:
 Чесма, Кагул, Крым, Рымник, Тавр... ⁴
 ...Пусть звук ужасных днешних боев
 Сподвижников его героев
 Мой повторяет холм и лес,
 И гул шумит, как гром небес!

¹ У Державина — монголы, точнее половцы.

² Вариант: «Француз, мотай себе на ус».

³ Генералы Петра I,

⁴ Названия мест, где русской армией и флотом были одержаны крупнейшие победы.

Корабль как в пенном, шумном море,
 Подобно скорлупе в волнах,
 Носящийся стихив в споре,
 Тонуший в бездне, в облаках,
 В разверзты низвергаясь пасти,
 Мрак ада видит пред собой,
 Треск внемлет ребр, дна, скрипы снасти
 И с мачт ток молниев струей;

Иль как лесов в трущобе львица,
 Объемлема пожаром вкруг,
 Вздымая гриву, взор чудится,
 Вняв дров паденье, грохот, стук,
 И что бежит к ней ржущий пламень
 На грудь, на чресла и на тыл,
 Стоит недвижима, как камень,
 Но не теряет духа сил, —

Так в тяжки оны дни Россия
 Войной была окружена,
 Как с всей Европою Азия
 Была на нас ополчена.
 Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
 Шел льстивый друг, шел тайный враг,
 Наполеоном обаянный,
 К нам взнесшим свой гигантский шаг.

И победитель сей кичливый,
 Как вал, что, из струи родясь,
 Чем далее в путь свой тек строптивый,
 Тем больше грозным становясь,
 Так взрос побочных вод приливом,
 Что будто некий страшный холм
 Под тени своя нагибом
 Блеск солнца затмевал челом.

Унизя Рима и Германей
 Так дух, что ими вявь и втай

¹ С Наполеоном.

Господствуя, насыты длани
Простер и на полночный край.
И зрел ли он себе препону,
Коль мог бы ветру колебнуть,
Любовь к отечеству и к трону?
Но он ударил в русску грудь!
О русска грудь неколебима!
Твердейшая горы стена,
Скорей ты ляжешь трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена.
Не раз в огнях, в громах, средь бою
В крови тонувши ты своей,
Примеры подала собою,
Что Россов в свете нет храбрей...
...Поэзии дальновидный Гений
Грядущу мне предрек судьбу:
Падет Европа на колени
Пред тем, кто прекратит борьбу
И ток прольет в ней дней блаженных,
Се уж парит его орел!
О радость! в туле дев священных
Зрю тучи сладких сердцу стрел!

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ
НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА»

...Что се? Стихий ли борьба?
Брань с светом тьмы? добра со злобой?
Иль так рожденные утробой
Коварств, крамола, лесь, татьба
В ад свеслись громом с князем бездны,
Которым трепетал свод звездный,
Лишались солнца их лучей?

От пламенных его очей
Багрели горы, рдело море,
И след его был плач, стон, горе!
Иль Галл¹, творец то злых чудес,
Похитивший у ветра крылы,
У доблести, у веры силы,
Скиптр у царей, гром у небес,
У правосудия законы?
Изгнав к отечеству любовь,
Растил всех дух, оподлил кровь,
Став хищна раб Наполеона, —
Возмнил быть царь вселенной трона?
Так — он, то Галл с своим вождем:
Навергнув на царей ярем
И всю почти пления Европу,
Дал страшному Атропу²
Не раз его же кровью пир;
Прервал звук тужных лир,
Пресек спокойствие, торги, труд сельский, мирный
И, в блеск разбойника порфирный
Одев, возвел на трон, —
То был Наполеон.
Он...

на спокойну зря Россию,
Что перед ним одна не клонит выю,
Вспылал, простер завистну длать —
И дхнул из зева брань.

Уже, как смрадных тучи пруг³,
Его летящи легионы
Затмили свет, иль быстры волны
Как рек пяти шумящих вдруг
Через Неман прорвались преградный.

¹ Французы.

² У Державина Атроп — смерть (точнее — богиня судьбы в греческой мифологии).

³ Саранча.

Сам он, как тигр на трупы гладный,
Предспеющий своей молве,
Шагнул к Днепру, шагнул к Москве,
Кровавы вслед моря струились,
И зарева по небу рдидись.

В стремленьи быстр, в бою жесток,
Уже своей победой дмился,
Что мы (с насмешкою хвалился)
Бежим его и праха ног;
Что быстрый полк его орлиный
На дом Петра, Екатерины
Воссядет скоро средь столиц
И вкусит он от царских лиц,
По жатве звучной, громкой славы,
В Петрополе, в Москве забавы¹.
...Но, Муза! тайственный глагол
Оставь. — и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс ополчась на Галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о грома ударялся,
И молнии с молниями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с кощей в руках,

¹ Некоторые парижские дамы, по уверению Наполеона, писали к петербургским французским торговкам, чтоб они к Петрову дню приготовили им платья для бала в Петергофе. (Прим. Державина.)

Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала;
Там рвали друг у друга гром,
Осмь крат спирали град челом
И царство поборали царством,
Зла гения коварством,
Который...

...с срамом вспять побег.
Бежит, — и пламенным мечем
Его в тыл ангел погоняет,
Отвсюду ужасом смущает,
След сеет огненным дождем.
Встревоженный, взъяренный, бледный,
Он с треском в воздух мечет стены,
С кремлевского их рвав холма;
С чела его в мрак искр косма,
Сквозь дыма сыплясь, как комета,
Окровавляла твердь полсвета.

Бежит, — и несколько полков,
Летящих в воздухе волнами,
Он видит теней пред очами
Святых и наших праотцов,
Которы в звездном чел убранстве,
Безмерной высоты в пространстве,
Как воющей погоды стон,
«Наполеон! Наполеон!»

Лиют вслух жалобы: «Из злости
Ты наши двигал прах и кости!»
Бежит, — и зрит себя вокрут
Он тысячи невинных вдруг,
Замученных и убиенных,

Им не запечатленных,
Что полумертвым взором зрят,
С уст посинелых хлад

Дыхав, со всех сторон кричат ему с укорой:
«Ты, ты предвременной и скорой

Нас смертью посека,
Когда на брани тек.

И се, — наполненну слезами
Семейств и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящих змей,
Ту чашу смертну, в жизни, что своей
Ты наполнял бесперестанно,
Желал и требовал несыто, жадно
Еще, еще себе кровей,
Прими теперь и пей!»

...Бежит, — хотя и жажды полн
К сокровищам неоцененным,
В чертогах, в храмах похищенным;
Но их и всех кидает он
Друзей, больных без сожаленья.
Сей гений — ищет лишь спасенья!
Его страшит и ветров свист,
И скрип дерев и падший лист,
В сердечных отзываясь недрах,
Как страшный гром во мрачных дѣбрях...

Бежит, — и видит, наконец,
...Что, став пред собственным уж взором
Кладбищным рать его позором,
От глада, ран и мраза мрет...
...Еще немного — он падет,
И сонм тех царств, что с ним идет,
Вдруг на него весь обратится...
...Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлаңа орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край Росса весь;
Но, буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?

Почто вмещались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,
Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты...
...О Росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр...

И се, как вьяве, вижу сон,
Ношуся вне пределов мира,
Где в голубых полях эфира
Витает вождей русских сонм.
Меж ими там в беседе райской
Рымникский, Таврский, Задунайский¹
Между собою говорят:
«О, как венец светлей стократ,
Что дан не царств за расширение,
А за отечества спасенье!

«Мамай, Жолкевский, Карл путь свят²
К бессмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому³,
Кутузову днесь — Бонапарт.

¹ Суворов (1730—1800), Потемкин (1739—1791), Румянцев (1725—1796).

² Руководители татарской, польской и шведской армий, вторгавшихся в Россию.

³ Дмитрий Донской (1350—1389) разбил Мамай (в 1380 г.), Пожарский (ок. 1578—1642) — Жолкевского (ок. 1547—1620), Петр (1672—1725) — Карла (1682—1718).

Доколь Москва, Непрядва и Полтава?
Течь будут, их не умрет слава.
Как воин, что в бою не пал,
Еще хвал вечных не стяжал,
Так громок стран пусть покоритель,
Но лишь велик их, свят спаситель...»

Средь самых пылких, бранных споров,
Быв смел, как лев, быстр, как Суворов,
Вождь непредзримый, гром как с облаков,
Слетал на вражий стан, на тыл — Платов.
Но как исчислить всех героев,
Живых и падших с славою средь боев?
Почтим Багратионов прах. —

Он жив у нас в сердцах!..
...Печалью мрачные главы
Лучом возблещут вновь Москвы...
...И из страны российской всей
Печаль и скорби изженутся,
В ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут,
Моря чрез горы длань прострут,
Ключи с ключами сожурчатся,
По рощам песни отгласятся...

Н. М. КАРАМЗИН

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

В чьих жилах льется кровь героев,
Кто сердцем муж, кто духом Росс,
Тот презри негу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабых душ!

Туда, где знамя брани веет, —
Туда, где гром войны гремит, —
Где воздух стонет, солнце меркнет,
Земля дымится и дрожит.

Где жизнь бледнеет и трепещет,
Где злоба, клятвы, ада дщерь, —
Где смерть с улыбкой пожирает
Тьмы жертв и кровь их жадно пьет —

Туда спеши, о сын России!
Разить бесчисленных врагов.
Как столп огня, палящий нивы,
Теки, стремись по их рядам!

Перуном будь и стрелы грома
Бросай на их и всех губи!
Да в буре гнева глас промчится:
Умри, умри России враг!..

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ»

...Сын хитрой лжи, Наполеон,
Призра́к величия, героя,
Под лаврами дух низкий кроя,
Воссел на трон — людей карать
И землю претворять в могилу,
Слезами, кровью утучнять;
В закон одну поставить силу;
Не славой, клятвою побед
Наполнить устрашенный свет.

И бысть! Упали царства, троны.
Его ужасны легионы
Как огонь и бурный дух текли
Под громом смерти, разрушенья,
Сквозь дым пылающей земли;
А он с улыбкой наслажденья,
Сидя на груди мертвых тел,
Страдание и гибель зрел.

Ничто Аттилы, Чингис-ханы,
Ничто Батыи, Тамерланы
Пред ним в свирепости своей.
Они в степях образовались
Среди рыкающих зверей,
И в веки варварства являлись:
Сей лютый тигр, не человек,
Явился в просвещенный век.

Уже гордились мы наукой,
Ума плодом, добра порукой,
И славились искусством жить;
Уже мы знали, что Владетель
Отцом людей обязан быть,
Любить не власть, но добродетель;
И что победами славна
Лишь справедливая война.

Сей изверг, миру в казнь рожденный,
Мечтою славы ослепленный,
Чтоб быть бессмертным, убивал!
Хотел всемирныя державы:
Лишь небо богу уступал;
Топтал святейшие уставы;
Не скиптром правил, а мечом,
И был — державным палачом!
...Среди гробов, опустошенья,
Безмолвия, оцепененья,
С кровавым, дерзостным челом
Насилие торжествовало,
И веселяся общим злом,
Себя хвалами величало,
Вещая: «Властвует Судьба!
Она мне служит, как раба!»

Еще в Европе отдаленной
Один народ благословенный
Главы под иго не склонял;
Хранил в душе простые нравы;
В войнах издревле побеждал;
Давал иным странам уставы,
Но сам жил только по своим...
...Не славился богатством знаний,
Ни хитростию мудрований;
Умел наказывать врагов,
Являясь в дружестве правдивым;
Стоял за Русь, за прах отцов,
И был без гордости счастливым;
Свободы ложной не искал,
Но все имел, чего желал.

Уже тиран свирепым оком,
Влекомый к казни тайным Роком,
Измерил путь в сию страну
И поднял для нее оковы;
Изрек погибель и войну.
Уже рабы его готовы

Последнюю из жертв заклать —
И началась Святая Рать...
...Тирану служат миллионы —
Героев русских легионы
Идут алмазною стеной...
...Лежат храбрейшие рядами,
Поля усеяны костями,
Все пламенем истреблено.
Не грады, только честь спасаем!..
О славное Бородино!
Тебя потомству оставляем
На память, что России сын
Стоит против двоих один!

А ты, державная столица,
Градов славянских Мать-Царица,
Создание семи веков,
Где пышность, нега обитали,
Цвели богатства, плод трудов,
Где храмы лепотой сияли...
...Москва! прощаемся с тобою,
И нашей собственной рукою
Тебя мы в пепел обратим!
...В твоих развалинах найдет
Враг мира гроб своих побед.
Свершилось!.. Дымом омраченный,
Пустыней, пеплом окруженный,
Узрел он гибель пред собой.
Бежит!.. но бог с седым героем¹
Шлет казнь из тучи громовой:
Здесь воины блестящим строем,
Там ужасы зимы и глад
Его встречают и мертвят.
...Как в безднах темной адской сени
Толпятся осужденных тени —

¹ Кутузовым.

Под свистом лютых Эвменид¹:
Так сонмы сих непобедимых,
Едва имея жизни вид,
В страданиях неизъяснимых
Скитаются среди лесов;
Им пища лед, им снег покров.

В огонь ввергаются от хлада,
Себя терзают в муках глада:
Полмертвый мертвого грызет.
Стадами птицы плотоядны
Летят за ними с криком в след;
За ними звери кровожадны,
Разинув челюсти, бегут
И члены падающих рвут.

О жертвы хищного злодейства!
Вы были радостью семейства;
Имели ближних и друзей.
Почто вы гибели искали
В дали полуночных степей?
Мы вашей крови не жаждали;
Но, кто оковы нам несет,
Умрем, или он сам падет!

Где ваши Легионы Страха?
Лежат безмолвно в недрах праха;
Осталась память их одна,
И ветры пепел раздувают.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здесь играют.
Свободны мы, но в рабстве мир:
Еще тиранов цел кумир.

Еще Европа в изумленье;
Но скоро общее волненье
Вселяет мужество в сердца.

¹ В греческой мифологии богини мщения, жившие в подземном царстве.

Гласят: «И мы хотим свободы
И нашим бедствиям конца!
Подвиглись троны и народы;
Друг с друга в гнев цепи рвут,
И с яростью на бой текут...
...Ничто все хитрости искусства
Против восторга, правды чувства.
Толпы героев и вождей
Война народная рождает...
...Стократно в битвах одоленный,
Иссохших лавров обнаженный,
Ознаменованный стыдом,
Тиран перун¹ угасший мечет —
И се последний грянул гром,
И новый Вавилон трепещет:
Колосс-Наполеон падет...
...Земли подвиглось основанье!
Гремит народов восклицанье!
Он пал! Он пал! Кипят сердца;
К надеждам счастья оживают.
Как дети одного отца,
Все, все друг друга обнимают...
Он пал! В восторге целый свет!
Народы — братья! Злобы нет!..

¹ Здесь — молнию.

ПРИМЕЧАНИЯ

В сборник включены произведения ряда поэтов XVIII века, в творчестве которых особенно ярко представлена патриотическая тематика. Многие стихотворения даны с купюрами (обозначенными многоточиями), необходимыми в тех случаях, когда стихи были перегружены материалом, мало понятным современному читателю или не относящимся к теме. Названия некоторых стихотворений даны сокращенно, орфография приближена к современной.

Высокий патриотический пафос, отличающий прозу Ломоносова, дал составителю основание включить в сборник несколько отрывков из прозаических произведений Ломоносова.

Ниже даются краткие сведения о поэтах, произведения которых включены в сборник.

Ломоносов М. В. 1711—1765. Великий русский ученый и поэт. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, — сказал о нем Пушкин, — Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник». Ломоносов — основоположник русской новой литературы, давший ей и глубокое — и прежде всего патриотическое — содержание и выразительную форму, открывший, как сказал о нем Пушкин, «истинные источники нашего поэтического языка». Образцом тех требований, которые предъявлял Ломоносов к писателю, является помещенное в нашем сборнике стихотворение «Ответ

Анакреону». Ломоносов зовет поэта к высокой патриотической теме, к прославлению «героев славы гечной», к самоотверженному служению родине. Ода его, написанная в 1759 году, является первым образцом нового стихосложения, введенного Ломоносовым в русскую поэзию и применяемого и в наше время.

Сумароков А. П. 1718—1777. Выдающийся русский лирик, баснописец и драматург. Двенадцать его комедий дают яркое представление о быте и нравах русского дворянства второй половины XVIII века. Особенно значительную роль сыграл Сумароков в истории русского театра. Он был директором первого русского театра, организованного в 1756 году, и автором ряда высокопатриотических трагедий («Хорев», «Синав и Трувор», «Мстислав»), пользовавшихся большой известностью в свое время.

Костров Е. И. 1750—1796. Поэт и выдающийся переводчик. Он переводил Гомера и Оссиана. Творчеством Кострова интересовался Суворов. Он писал: «Я давно знал Гомера. Короче познакомил меня с ним на родном нашем языке приятель мой Ермил Иванович Костров». Свой перевод Оссиана Костров посвятил Суворову, в свою очередь ответившему Кострову стихотворным посланием. Этот перевод был любимой книгой Суворова, и он возил ее с собой во всех походах.

Петров В. П. 1736—1799. Придворный поэт, близкий к Екатерине и Потемкину. Отрывок из оды, помещенный здесь, любопытен тем что в нем говорится о действиях русского флота.

Державин Г. Р. 1743—1816. Крупнейший поэт XVIII века по силе дарования и яркости поэтических красок. Прослужив в молодости 12 лет солдатом, Державин вслед за тем выдвинулся и при Екатерине и Александре I был министром. Героика побед екатерининского времени нашла свое яркое отражение в военной лирике Державина. Наряду с высокой гражданской тематикой Державин, первый в поэзии XVIII века, богато разработал тему человеческой личности, явившись в этом отношении непосредственным предшественником Пушкина.

Карамзин Н. М. 1765—1826. Поэт, журналист, историк, сыгравший большую роль в развитии русского литературного языка.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. Тимофеев — Старое, но грозное оружие 3

М. В. Ломоносов

Из оды «На взятие Хотина»... 1739 г.	11
Из оды... 1747 г.	13
Из оды... 1748 г.	14
Из оды... 1752 г.	16
Из оды... 1754 г.	16
Из оды... 1757 г.	17
Из оды... 1759 г.	17
Петр Великий (отрывки из поэмы)	21
Из оды... 1761 г.	22
Из оды... на 1762 г. (Петру III)	23
Из оды... 1762 г. (Екатерине Второй)	24
Стихотворение, написанное в ответ Анакреону, прося- щему живописца нарисовать портрет возлюбленной.	25
Из посвящения Риторике (1748 г.)	26
Из посвящения Российской грамматики (1754 г.)	27
Из Слова о пользе химии (1751 г.)	28
Из Слова похвального... Петру Великому	28

А. П. Сумароков

Из оды... 1752 г.	30
Из дифирамба... 1763 г.	31

Е. И. Костров

Из Эпистолы... Суворову «На взятие Измапла»	32
---	----

В. П. Петров

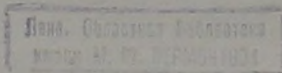
Из оды... на заключение мира со Швецией 1790 г. . . . 35

Г. Р. Державин

На взятие Измаила	37
Заздравный орел (застольная воинская песнь)	40
На переход Альпийских гор	41
Спигирь.	43
Из стих. «Атаману и войску Донскому»	44
Из стих. «На мир 1807 г.»	46
Из стих. «Гимн лиро-эпический на прогнание фран- цузов из отечества».	47

Н. М. Карамзин

Военная песнь	54
Из стих. «Освобождение Европы»	55
Примечания	60

Редактор К. Малышева

Подписано к печати 13/III 1943 г. А262. Тираж 10 000 экз. 2 печ. л.
2,9 уч.-изд. л. Зак. № 1491. Цена 2 руб.

1-я Обр. тиз. Огиза РСФСР треста «Полиграфкинг», Москва, Валовая, 28.

2 рѣб.